

Убедившись, что их внук действительно не повредил голову, дедушка и бабушка наконец облегченно вздохнули. Уложив Ван Даху спать, они разделили обязанности: один отправился в медпункт за противовоспалительными лекарствами, а другой пошел на кухню готовить обед.

Когда оба вышли из комнаты, Ван Даху, лежавший на кровати, внезапно открыл глаза.

Он все еще находился в полном смятении.

— Как я превратился в ребенка?

Нет! Точнее, как я вернулся в детство?

— Может, это сон? Но разве бывают такие реалистичные сны?

Потрогав затылок, где, несмотря на наложенный пластырь, все еще чувствовалась опухоль, он с гримасой боли втянул воздух.

Падение с дерева он помнил. В прошлой жизни именно из-за этого он ударился головой и был срочно доставлен в уездную больницу. Мать долго упрекала дедушку и бабушку за это, и несколько лет не разрешала Ван Даху приезжать к ним.

— Значит, я действительно вернулся в прошлое... Я снова стал человеком?

Ощущая тепло, исходящее от его тела, на его пухлом лице появилась глупая улыбка.

Тот, кто никогда не был призраком, никогда не поймет, насколько это мучительно.

Мучительно видеть, слышать, но не иметь возможности прикоснуться или ответить.

— Жаньжань, Жаньжань, Жаньжань.....

Ван Даху стиснул зубами одеяло, и крупные слезы потекли по его лицу. Он вспоминал, как Ли Цинжань резал себе вены, как лежал в луже крови перед его могилой. Его маленькое тело содрогалось от боли.

Нет, он не сможет отпустить его!

На лице Ван Даху появилось решительное выражение. Если небо дало ему шанс прожить жизнь заново, то на этот раз он будет любить его еще сильнее.

Поэтому.....

Жаньжань, жди меня.

Из-за травмы головы Ван Даху пролежал на кане полмесяца, не вставая.

И только сегодня, в «малый Новый год», он наконец получил свободу.

— Тук-тук-тук.....

С самого утра бабушка хлопотала на кухне, резала овощи, рубила мясо.

Она посмотрела на внука, который сидел у печи и подбрасывал дрова, и ласково сказала:

— Даху, не устал? Иди отдохни в комнате, только не порежься!

Ван Даху ответил:

— Бабушка, я не устал. Это вам нужно отдохнуть, вы ведь с утра трудитесь!

Услышав такие теплые слова, бабушка чуть не расплакалась. С тех пор как внук упал с дерева, он стал гораздо более смышленным, перестал шалить и начал заботиться о других. Настоящий хороший мальчик.

— Бабушка не устала. Сегодня малый Новый год, скоро нужно провожать Бога Кухни на небо. Все подношения нужно приготовить как следует, а то он рассердится!

Ван Даху улыбнулся.

В деревнях на северо-востоке Китая такие традиционные праздники отмечают с особым размахом, и подготовка к ним проходит тщательно. Это гораздо интереснее, чем в городах, где все делается для галочки.

Весь день прошел в хлопотах.

К четырем часам дня дедушка наконец повел Ван Даху к изображению Бога Кухни.

Согласно обычаю, мужчины не поклоняются луне, а женщины не участвуют в обрядах, связанных с Богом Кухни, поэтому на кухне были только они вдвоем.

На закопченной стене висело яркое изображение Бога Кухни.

На прямоугольном алтаре лежали четыре вида фруктов и четыре вида пирожных.

Дедушка с благоговением пробормотал несколько слов, затем взял палочку и обмакнул ее в миску с сахарным сиропом.

— Малыш, намажь Богу Кухни мед.

Ван Даху поднялся, взял палочку и нанес мед на алые губы Бога Кухни. Это был обычай северо-востока: считалось, что если намазать Богу Кухни мед, он не сможет говорить плохое о людях перед Нефритовым Императором.

Пережив смерть и возрождение, Ван Даху относился к этим богам с особым «уважением».

Тщательно намазав мед, они с дедушкой поклонились изображению и вернулись в дом.

Бабушка уже накрыла на стол. На квадратном столе стояло пять-шесть тарелок с пельменями, тонкими и сочными, от запаха которых можно было потерять рассудок.

— Даху, ты наверняка голоден! Ешь, пока не остыло!

Бабушка первым делом положила пельмень в его фарфоровую миску.

Ван Даху улыбнулся, но не стал сразу есть, а потянулся к кувшину с вином.

Под взглядами стариков он налил каждому по рюмке, а себе — стакан грушевого напитка.

Подняв бокал, он с улыбкой произнес:

— Дедушка, бабушка, Даху желает вам счастливого праздника, здоровья и благополучия!

С этими словами он залпом выпил стакан напитка, который стоил пять центов за бутылку.

— Хороший внук!

Ван Шоуминь был в восторге. Вот уж кто умеет говорить, у этого мальчика большое будущее!

Бабушка тоже была рада и несколько раз похлопала внука по спине. Сердце любимого внука было с ними, их забота не пропала даром.

Ван Даху, проживший две жизни и от природы умеющий говорить, за несколько минут развеселил стариков до слез.

Пока семья наслаждалась вкусными пельменями, снаружи раздался лай собаки.

В то время почти в каждой деревенской семье была собака для охраны, и их черный овчар был особенно бдительным. Как только кто-то приближался к двору, он сразу начинал лаять.

Дедушка накинул ватник и вышел из дома:

— Пойду посмотрю, наверное, кто-то пришел.

Через некоторое время он вернулся с озабоченным видом.

Видя, что муж чем-то расстроен, бабушка тут же спросила:

— Что случилось?

Ван Даху тоже насторожился.

— Эх, Ли Чангуй снова за свое, избивает Сюмей во дворе, шум стоит. Нужно пойти разобраться.

Ван Шоуминь был старостой деревни Синье, и в случае происшествий к нему обращались первым.

— Просто беда! Хорошей жизни не хотят, только и знают, что скандалить. Сюмей однажды убьют этим сумасшедшим.

Бабушка тяжело вздохнула и добавила:

— А самое обидное — это Жаньжань. Такому отцу достался, бедняжка.

Гролом среди ясного неба эти слова ударили по Ван Даху.

Жаньжань? Какой Жаньжань?

Не успел он подумать, как Ван Шоуминь уже собирался выйти:

— Я пойду, а вы с внуком продолжайте есть.

Ван Даху спрыгнул с кана и закричал:

— Дедушка, я тоже пойду!

Дедушка не хотел брать его с собой, но Ван Даху так настаивал, что он взял его за руку, и они поспешили за деревенской теткой, которая пришла за помощью.

Трое быстро направились к восточной окраине деревни.

Через некоторое время они увидели старую, полуразрушенную хижину.

Вокруг дома уже собралось несколько деревенских.

Ван Даху, охваченный тревогой, вырвался из рук дедушки и, воспользовавшись своим маленьким ростом, протиснулся в толпу.

Во дворе он увидел мужчину лет тридцати, неопрятного и растрепанного, который одной рукой держал кухонный нож, а другой тащил женщину, яростно избивая ее.

— Не бей мою маму, не бей мою маму!

Тонкий, как кошачий писк, голос отчаянно плакал. Маленькое тело цеплялось за штанину мужчины, лицо было в слезах.

У Ван Даху потемнело в глазах. Это лицо он узнал бы даже в пепле.

Мужчина в бешенстве поднял ногу и ударил ребенка в грудь, отшвырнув его в сторону.

Ван Даху вскрикнул, его глаза налились кровью. Как снаряд, он бросился на мужчину, сбив его с ног своим маленьким, но крепким телом.

Он вцепился в шею мужчины и начал бить его кулаками по лицу:

— Ты, ублюдок, кого ты бьешь!

Несмотря на свой возраст, он бил изо всех сил, и вскоре у мужчины пошла кровь из носа. Ван Шоуминь, наконец очнувшись, опасаясь, что внук пострадает, подбежал и отшвырнул нож в сторону, затем крикнул:

— Чего стоите? У Ли Чангуа приступ, несите веревку, свяжите его!

<http://bllate.org/book/16441/1490666>